

Сентября 18 (1 октября)

Священномученик
Амфилохий (Скворцов),
епископ Красноярский

Священномученик Амфилохий (в миру Александр Яковлевич Скворцов) родился 17 февраля 1885 года в селе Норваши Цивильского уезда Казанской губернии в семье псаломщика Якова Васильевича Скворцова, у которого было одиннадцать детей – трое сыновей и восемь дочерей. Александр был самым младшим. Старшая его сестра вышла замуж в Польше еще до рождения Александра, и он ее никогда не видел. Один из его братьев служил священником в Казанской епархии. Первоначальное образование Александр получил в Чебоксарском духовном училище.

С юных лет он чувствовал призвание к иноческой жизни и хотел вступить в число братии одного из отдаленных монастырей еще учась в семинарии. Духовный отец, однако, посоветовал ему отложить на время это благое намерение и поступить в Духовную академию. Александр Яковлевич поступил в Казанскую Духовную академию и 22 марта 1907 года, на первом курсе академии, был пострижен в мантию с именем Амфилохий.

После пострига ректор академии произнес соответствующее случаю слово, сказав, что на основании личного опыта знает то благодатное озарение души, какое бывает после пострига, которое навсегда сохраняется в душе инока. Обращаясь к монаху Амфилохию, ректор сказал, что существует три вида скорбей: это скорби, присущие всем христианам в их стремлении к небесному совершенству вследствие несоответствия действительности идеалу: «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), эти скорби спасительны; во-вторых, это скорби уныния перед высотой Евангельского идеала. «Монахам присущ второй вид скорбей, и путь избавления от них – это молитва и созерцание примеров добродетелей». И, в-третьих, это скорби пастырские, которыми страдал Христос в саду Гефсиманском в ночь, в которую был предан за спасение мира (Мф. 26, 38).

Один из студентов академии посвятил новопостриженному иноку стихотворение:

Свершилось... для жизни прекрасной
Ты умер теперь навсегда,
И мир с его прелестью, с похотью страстной,
Закрылся сейчас от тебя.

И прошлое стало далеким, далеким...
Любимое, милое стало чужим,
И должен идти ты путем одиноким,
Небесною ратью храним.

Пуškai в твою душу молитва святая
Отраду и счастье прольет.
И, муки сомнений в душе убивая,
В обитель Христа приведет.

В 1908 году монах Амфилохий был рукоположен в сан иеродиакона. На третьем курсе академии, в 1909 году, иеродиакон Амфилохий был командирован в Астраханскую калмыцкую степь для изучения калмыцкого языка для дальнейшей деятельности в Православной миссии среди калмыков Астраханской степи.

Во время обучения в академии основным послушанием для отца Амфилохия стала научная деятельность, в которой проявились его недюжинные таланты. Он в совершенстве изучил калмыцкий язык, а также всю литературу, касающуюся переводов священных и богослужебных текстов на этот язык, которая к тому времени была почти неизвестна читателям, так как по большей части хранилась в виде рукописных документов в различных архивах. Результатом изучения этих материалов явилась его работа «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средства миссионерского воздействия».

Доцент академии иеромонах Гурий (Степанов) в отзыве на работу иеродиакона Амфилохия писал: «Автор дал нам... через разработку сырого, преимущественно архивного, материала обстоятельное изложение истории переводческого дела на калмыцкий язык, т. е. ввел нас в новую, доселе весьма мало известную, область по истории миссионерской деятельности среди калмыков, и в этом заключается заслуга автора и серьезное значение его работы, как вносящей нечто ценное в литературу по истории миссионерской деятельности и свидетельствующей о полной правоспособности автора работать по сырому материалу, извлекая из него ценное содержание, и систематизировать его как нечто ценное в логической связи и систематической последовательности... что дает автору полное право на степень кандидата богословия и указывает в нем серьезного работника в области исторической науки».

В 1910 году иеродиакон Амфилохий был рукоположен в сан иеромонаха; в том же году он окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней на 1911-1912 учебный год профессорским стипендиатом при кафедре Истории и обличения ламаизма и монгольского языка.

Иеромонах Амфилохий был одним из активных участников миссионерских съездов, на которых обсуждались вопросы перевода Священного Писания и богослужебных текстов на калмыцкий язык. Отсутствие в то время организованной калмыцкой миссии приводило к тому, что все переводы осуществлялись отдельными миссионерами, зачастую не имевшими связи друг с другом, неоценимый опыт которых оставался не востребуемым, а переводы забывались после смерти переводчиков.

Выступив на одном из съездов, иеромонах Амфилохий предложил организовать постоянно действующую калмыцкую миссию, а также создать постоянно действующую переводческую комиссию, которая должна была бы распределять тексты среди переводчиков, рассматривать сделанные переводы и устанавливать окончательную редакцию, а также рецензировать переводы, которые появляются помимо комиссии. Сделанные переводы должны быть передаваемы в школы, в которых проверялась бы их понятность для инородцев, и только после этого переводы должны были публиковаться. Для того чтобы публикация выработанных комиссией переводов не задерживалась, комиссия должна обладать правом выпускать их в свет без предварительной цензуры.

16 августа 1911 года иеромонах Амфилохий был назначен исполняющим должность доцента при кафедре Истории и обличения ламаизма и монгольского языка.

13 апреля 1912 года указом Святейшего Синода он был командирован на один год в Монголию для изучения тибетского языка и тибетской литературы, касающейся ламаизма. В 1913 году за кандидатскую работу ему была присуждена премия митрополита Иосифа. 23 марта 1913 года указом Святейшего Синода по прошению иеромонаха Амфилохия и по ходатайству Совета Академии ему была продлена командировка в Монголию еще на один год с обязательством по возвращении из нее прослужить в профессорской должности в академии не менее пяти лет.

По возвращении из командировки он, кроме занятий наукой и преподавания, стал активно участвовать в работе историко-этнографического музея в Казани, став помощником директора. С 1913 года музей начинает служить учебно-вспомогательным учреждением для студентов миссионерского отделения, а с 1915 года – и для слушателей миссионерских курсов. В дар музею иеромонах Амфилохий преподнес богатую коллекцию более чем из ста предметов, привезенных им из Монголии. Это были изображения буддистских богов и богинь на полотне, из терракоты, бронзы, дерева и папье-маше, ксилографические доски для печатания молитв, принадлежности шаманского культа, четки, китайские монеты и многое другое.

Научная и миссионерская деятельность иеромонаха Амфилохия приносила видимые результаты. 3 ноября 1914 года в храме Казанской Духовной академии состоялось исключительно редкое для Казани торжество – крещение трех китайцев, которые своим просвещением и обращением к Богу были целиком обязаны отцу Амфилохию. В 1915 году за отличную и усердную службу он был награжден наперсным крестом. Иеромонах Амфилохий был одним из талантливейших проповедников, и ему чаще других поручалось говорить проповеди во время богослужений в кафедральном соборе города Казани.

Октябрьский переворот произвел на отца Амфилохия огромное впечатление. Для него сразу стали ясны исторические масштабы происшедшего события. Мировоззрение, которое исповедовали новые власти, было настолько необычным, настолько не связанным со всем историческим прошлым России и с православием, что его внедрение неминуемо должно было привести к перевороту всей жизни народа и стать для него величайшим несчастьем. Идеология социализма, как ее увидел отец Амфилохий, была такова, что при исповедании ее государством православие должно быть искоренено. Осознание того, что в истории России открывается новая страница, поставило перед ним вопрос и о его собственной дальнейшей судьбе. Ему было ясно, что всякая ученая и миссионерская деятельность будет прекращена. Оставался личный подвиг и молитва – о себе и о народе.

В 1918 году иеромонах Амфилохий уехал в Успенский мужской монастырь неподалеку от Красноярска, где пробыл до февраля 1919 года, а затем вместе с пятью монахами уехал на озеро Тиберкуль в Минусинском уезде; здесь ими был основан скит, в котором они подвизались два года.

В 1921 году иеромонах Амфилохий был направлен служить в храм в селе Белый Яр. В сентябре 1922 года епископ Енисейский и Красноярский Зосима (Сидоровский) перешел в обновленчество и возглавил епархию уже в качестве обновленческого архиерея. Он хорошо знал иеромонаха Амфилохия в бытность

свою епископом Иркутским; вызвав его в Красноярск, он предложил ему присоединиться к обновленцам. Иеромонах Амфилохий имел свое суждение об обновленческом течении; изучив это явление еще в дореволюционное время, он уже тогда относился к нему отрицательно. В 1922 году епископ Зосима уволил его от управления приходом.

В то время законной власти в епархии не было; глава Православной Церкви Патриарх Тихон был в Москве под арестом, и отец Амфилохий решил покинуть обновленческого архиерея и в ноябре 1922 года уехал в женский монастырь на Матуре, где прожил около полугода. Здесь он познакомился с монахиней Варварой (Цивилевой), которая стала его духовной дочерью и сопровождала его впоследствии во всех переездах – и когда он был на свободе, и когда в узах.

После того как обновленцам стало известно место проживания отца Амфилохия, который пользовался большим авторитетом среди православных, он, чтобы избежать преследований, уехал вместе с несколькими монахами и монахинями в тайгу, там они основали скит. В октябре 1923 года все они были арестованы ОГПУ, но поскольку никаких обвинительных материалов против них не оказалось, они были вскоре освобождены.

Амфилохий (Скворцов), епископ Красноярский

В июне 1924 года отец Амфилохий был назначен настоятелем Минусинской кладбищенской церкви, находившейся в подчинении православного архиерея. Здесь отец Амфилохий открыто выступил против обновленцев, обличая их в отступлении от православия. Обновленцы попытались завладеть кладбищенской церковью и обратились за помощью в ОГПУ, в результате чего отец Амфилохий был арестован, но затем освобожден за отсутствием обвинительного материала.

В феврале 1925 года он был вызван в Москву для хиротонии в сан епископа. 8 марта 1925 года Патриарх Тихон во время литургии в сослужении с митрополитом Петром (Полянским), архиепископами Гурием (Степановым) и

Прокопием (Титовым) рукоположил его во епископа Красноярского. В апреле того же года владыка прибыл в Красноярск, где снова выступил против обновленцев.

В это время среди епископата возникли разногласия, некоторые из архиереев посчитали, что митрополит Сергей превысил свои полномочия заместителя Местоблюстителя. Возникли разногласия по поводу его «декларации» и настойчивого пожелания, чтобы поминание властей стало обязательным и общим во всех храмах России. Епископ Амфилохий счел, что формула безусловного поминания властей является лицемерием по отношению к безбожникам и гонителям. При встрече с митрополитом Сергием епископ Амфилохий предложил иную формулу поминовения: «Еще молимся о стране нашей и о властях ея, да обратит Господь их к истинному познанию святыя веры и обратит их на путь покаяния». Митрополит Сергей не принял эту формулировку, сказав, что настаивает на обязательном поминовении властей в общепринятой формулировке, но епископ с этим не согласился. Митрополит Сергей в качестве выхода из сложившегося положения предложил владыке подать прошение об увольнении в заштат, но не выставляя настоящую причину разногласий, так как это для епископа будет небезопасно, а написать прошение об увольнении на покой по состоянию здоровья. И хотя владыка в тот момент был совершенно здоров, он принял предложение митрополита и с этой формулировкой был уволен на покой.

Уволившись, епископ Амфилохий в июле 1928 года прибыл в село Анжуй Таштыпского района Хакасии, где в то время жили монахини небольшого Матурского женского монастыря, в котором перед революцией было тридцать насельниц. В 1926 году монастырь был закрыт, и часть монахинь поселилась в селе Анжуй. Владыка хорошо знал монахинь еще с того времени, когда служил в этих местах, будучи иеромонахом, многие из них были его духовными детьми. В селе Анжуй образовался монастырь из десяти человек во главе с епископом Амфилохием. В селе был храм, где служил семидесятилетний иеромонах Серафим (Берестов). Во время богослужений епископ стоял в алтаре; сам он служил в домашней церкви, которая была устроена в его келье, монахини пели на клиросе в храме и в домашней церкви.

Вся жизнь монахинь была устроена строго по монастырскому уставу. Каждый день они приносили исповедание помыслов. Владыка вел с ними беседы на религиозные темы – о Евангелии, о православии. Велись беседы и о современном положении Церкви при безбожной власти. Все обсуждалось с церковной точки зрения, в свете Священного Писания и учения Христова.

В это время началась коллективизация и принудительная организация колхозов. Многие крестьяне были выселены, а все их имущество отобрано, оставшиеся отказывались входить в колхозы. Власть в принудительном порядке посылала крестьян и вместе с ними монахинь на лесозаготовки, причем задание давали заведомо неисполнимое, и монахини отказались выехать на работу в лес. Увидев, что монахини не поехали, отказались ехать в лес и крестьяне.

ОГПУ произвело расследование, на допросы были вызваны крестьяне, и хотя ничего предосудительного они о епископе и монахинях не показали, власти составили заключение о существовании в селе нелегального монастыря и о том, что крестьяне не идут в колхозы из-за общения с монахинями.

30 апреля 1931 года епископ Амфилохий был арестован и заключен в тюрьму при Минусинской исправительно-трудовой колонии, вместе с ним были арестованы иеромонах Серафим и все насельницы монашеской общины. Только

монахине Варваре удалось скрыться от ОГПУ и избежать ареста. Ее попробовали найти, но поиски не увенчались успехом, личность монахини-крестьянки показалась слишком незначительной, и власти прекратили поиски, удовлетворившись арестом архиерея, священника и других монахинь.

Власти интересовались не столько политической позицией епископа, сколько – церковной. Среди прочего следователь спросил, каково отношение епископа к посланию Патриарха Тихона, написанному им незадолго до смерти.

Владыка ответил: «Я сомневался в его подлинности, а потому впредь до выяснения всех обстоятельств его появления я не считал возможным высказаться о нем положительно: да или нет, тем более что со стороны церковной власти, которой я подчинялся, не было проявлено какой-либо инициативы в смысле применения в жизни высказанных в нем положений, не было к нам предъявлено каких-либо определенных требований и со стороны гражданской власти. А потому я лично и, как мне было известно, большинство православных епископов выжидали, что из этого последует, чтобы реагировать на него определенно. Но так как о нем совершенно замолкли, этой определенности отношения к указанному посланию, как с моей стороны, так и со стороны всего духовенства, не потребовалось.

Относительно ВЦС, или так называемых "григорианцев", я должен сказать, что как появлению его отнесся отрицательно. Причина моего отрицательного отношения заключается в том, что я появление его считал незаконным, а потому неприемлемым. Хотя митрополит Петр Крутицкий как будто в один момент и заявлял, что он передает этому ВЦС полноту церковной власти, – как это выяснилось после, это произошло ввиду его неосведомленности о положении церковных дел вообще – он в это время находился в заключении, – то он впоследствии от этого факта передачи ВЦС церковной власти отказался. И мы посему имели полное право не признавать этот ВЦС и относиться к нему отрицательно.

В отношении Томского митрополита Димитрия (Беликова) – мое отношение к объявленной им автокефалии тоже было отрицательным, потому что подобные выступления отдельных епископов без благословения на то высшей церковной власти считаются, по принятым правилам нашего Церковного управления, антиканоничными. Что касается упомянутого здесь на допросе факта, что это сделано с благословения митрополита Петра Крутицкого, то я о подобном факте слышу здесь впервые.

Что касается предложенного мне вопроса – почему я в Анжуле вел замкнутый образ жизни, я должен ответить так: будучи уволенным на покой, я не имел права вмешиваться в церковную жизнь в епархии, где был свой епископ, в данном случае епископ Димитрий, это было бы в церковном отношении антиканоничным, это с одной стороны. С другой стороны, перенесши одну ссылку, я, избегая всякой церковной деятельности и даже всяких личных знакомств и сношений, хотел предохранить себя от возможных подозрений со стороны власти и тем избежать, может быть, вторичной ссылки, и потому круг моих сношений был замкнут только окружавшими меня монахинями и перепиской с небольшим кругом лиц. В Анжуле нас, монахов и монахинь, было десять человек, и жизнь наша была по существу монастырской. Какого-либо разрешения от властей мы не имели, потому что нам даже в голову не приходило, что нужно на это иметь разрешение властей. Богослужения у нас проходили по большим праздникам и отчасти по воскресеньям, когда я был

здоров, без разрешения властей, так как я считал, что для себя я служить имею право».

29 июня следователь в последний раз допросил епископа. Владыка Амфилохий сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Объясняю, что агитации не проводил, но не отрицаю, что я выражаю несочувствие к советской власти».

16 ноября 1931 года епископ Амфилохий был приговорен к пяти годам заключения в концлагере. Монахини были приговорены к пяти годам ссылки в Восточную Сибирь.

15 декабря 1931 года владыка прибыл этапом в Мариинск в распоряжение Управления Сибирских исправительно-трудовых лагерей. Сюда к нему приехала монахиня Варвара, которая передала владыке посылку. Тогда же она отыскиала и сосланных монахинь и также передала им посылки.

В начале июня 1932 года епископ Амфилохий был перевезен в Новокузнецк и помещен в Осиновское отделение Сиблага, откуда написал монахине Варваре, чтобы она привезла ему сухарей. В одном из писем он написал ей о тяжелой жизни в лагере, о начальнике лагеря, который выступает его открытым врагом, так что надеяться приходится только на Бога. Он просил ее посетить епископа Иоасафа (Удалова), находившегося в заключении в соседнем лагере, и спросить, как живет он и другие заключенные. Монахиня Варвара в свою очередь написала ему о церковной жизни в Минусинске, о том, что в Минусинске ОГПУ арестовало всех священников и монашествующих. Некоторые священники были арестованы за то, что не приняли предложение ОГПУ о переходе в обновленчество.

Приехав в Осиновку, монахиня Варвара сняла комнату и постоянно помогала продуктами владыке Амфилохию и некоторым другим заключенным – епископам и священникам, продавая по благословению владыки оставшиеся его вещи, и вскоре от всех вещей остались лишь самовар, чемодан с бельем и ряса, все остальное было продано или поменяно на продукты.

12 декабря 1932 года владыка был отправлен работать на Шушталепскую штрафную командировку, а затем был переведен в Елбанскую штрафную группу. В этих местах заключенные работали в шахтах на добыче угля, работа проходила в тяжелых условиях, при жизни в холодных бараках на голодном пайке и была вдвойне тяжела. В одном из писем монахине Варваре владыка писал, что «питание в лагере плохое, собираем картофельные очистки и им бываем рады».

Епископа поместили среди заключенных по бытовым статьям и уголовников. В лагере процветало повальное воровство. Но владыка, несмотря на тяжелые условия заключения, не унывал, часто беседовал с заключенными, и в конце концов его беседы привели к тому, что в их бараке воровство прекратилось, некоторые из заключенных обратились к Богу и стали усердно молиться. Когда один из заключенных обратил внимание архиерея на благие плоды, к которым привела его пастырская деятельность в лагере, владыка ответил, что как бы ни был тяжел крест нынешней жизни, но он в первую очередь должен исполнить свой пастырский долг.

В начале 1933 года лагерная администрация выдвинула против заключенного духовенства новые обвинения в связи с тем, что ею были получены сведения о том, что епископы и священники, оказавшись в одном лагере и работая вместе на одних шахтах, поддерживают дружеские отношения и помогают друг другу.

*Епископ Амфилохий (Скворцов).
Тюрьма Осиновского отделения Сиблага. 1933 год*

Этот факт администрация лагеря посчитала достаточным для доказательства наличия в лагере контрреволюционной организации. Соображение, почему священников следовало арестовать именно сейчас, возникло еще и потому, что у некоторых из них подходил к концу срок заключения, между тем как власти смотрели на непокорное безбожному идолу духовенство как на своих непримиримых врагов и уже решили их не освобождать, добавляя каждый раз по истечении срока по несколько лет заключения.

28 апреля 1933 года власти арестовали епископа Амфилохия, и он был заключен в штрафной изолятор в Осиновском лагере. Тогда же были арестованы помогавшая ему в лагере монахиня Варвара, шесть человек из заключенного духовенства и мирянин-крестьянин. Всем им было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, в организации антисоветской группы и в намерении бежать из лагеря. На следующий день после ареста следователь допросил монахиню Варвару, и затем ее допрашивали еще несколько раз. Сказав, что познакомилась с епископом Амфилохием, когда тот был в монастыре, она категорически отказалась подтверждать домыслы следователей, будто она передавала слухи о контрреволюционных восстаниях в Сибири, о сопротивлении крестьян созданию колхозов и тому подобном. Свои взаимоотношения с епископом, а также и с другими священниками она описала как исключительно церковные, не имеющие отношения к политике.

22 мая следователь допросил епископа Амфилохия, в первую очередь интересуясь его политическими взглядами и тем, как он относится к советской власти. Владыка ответил, что Октябрьскую революцию встретил не сочувственно, а скорее пассивно-враждебно. Не сочувствуя советской власти, он ждал каких-

либо осложнений, которые могли бы способствовать его освобождению из того тяжелого положения, в котором он оказался. Причем перемены эти могли произойти не из-за внутреннего переворота, который в данный момент невозможен, а из-за осложнения в международной обстановке. Однажды, перед 15-й годовщиной Октябрьской революции, он на осиновской площадке говорил, что может быть амнистия в отношении духовенства, и в особенности епископата, так как это произвело бы впечатление на верующих и произвело бы соответствующий эффект за границей, создав положительное впечатление о советской власти, так как явилось бы иллюстрацией того, что в СССР нет гонения на Церковь.

1 августа власти допросили епископа в последний раз. Владыка на заданные ему следователем вопросы ответил: «Ранее при допросах я утверждал, что являюсь противником советской власти и существующий строй моим убеждениям и идеям враждебен. Сейчас я снова заявляю, что советской власти и ее укладу я желаю падения, в этом нахожу возможность восстановления правильной духовной жизни народа. Эти взгляды я высказывал своим духовным единомышленникам, бывшим вместе со мною в лагере. Влияние на лагерников я оказывал исключительно духовного характера, внушая лагерникам религиозное настроение – быть в личной лагерной жизни терпеливыми, не роптать, быть покорными своей судьбе, усматривая во всем волю Божию».

20 октября 1933 года следствие было закончено, и дело направлено в Коллегию ОГПУ для внесудебного разбирательства. Однако прокурор при ОГПУ не согласился с выводами следствия и написал, что никакой контрреволюционной группы с организационно оформившейся платформой не существовало. Как видно из материалов следствия, все обвиняемые принадлежали, по мнению прокурора, к «церковной верхушке» с твердо укоренившейся непримиримостью к советской власти.

*Монахиня Варвара (Цивилева).
Тюрьма Осиновского отделения Сиблага. 1933 год*

Будучи осужденными за контрреволюционную деятельность, они по вполне понятным причинам общались между собой: молились; собираясь вместе, осуждали отдельные мероприятия советской власти, льстили себя надеждами на скорое освобождение от постигшего их «несчастья». Поэтому они не должны привлекаться за организованную контрреволюционную деятельность. Но поскольку у некоторых из них скоро кончается срок отбытия меры социальной защиты, то им, как лицам, не исправившимся и проявляющим явную враждебность к советской власти, необходимо продлить содержание в концентрационных лагерях путем дополнительного решения Коллегии ОГПУ. Что касается Варвары (Цивилевой), то она, находясь под полным религиозным влиянием епископа Сковрцова, помогала ему продуктами и передачей писем, тем не совершила уголовно наказуемого преступления, и дело о ней подлежит прекращению.

28 января 1934 года Коллегия ОГПУ постановила увеличить срок наказания епископу Амфилохию на один год, а Варвару (Цивилеву) освободить. Владыка был отправлен в исправительно-трудовой лагерь в поселок Яя Кемеровской области.

30 апреля 1937 года окончился срок заключения епископа. Выписали уже и справку о его освобождении, но его самого не освободили.

2 июня 1937 года были допрошены два лжесвидетеля, которые согласились подписать показания против епископа, что будто бы он сказал, что смотрит на конституцию как на пустой разговор, что она ничего не принесет и ожидать впереди ничего хорошего нельзя. И хотя он скоро и освобождается, но ничего хорошего не ожидает, и, скорее всего, придется еще сидеть в лагерях. Теперь нужно каждому быть готовым стать мучеником за веру. Епископ говорил, что народ замучен и больше терпеть не может. В деревнях не хватает проповедников, которые открыто, не боясь ответственности, открывали бы глаза населению на обман и надувательство, когда лучших и честных людей прячут в тюрьмы, оставляя жуликов; и это потому, что легче тогда самим воровать, ибо убийцы и воры стоят у власти и ведут страну к полному развалу.

На основании этих материалов 4 июня 1937 года против епископа было открыто новое «дело», причины возбуждения которого были сформулированы администрацией лагеря следующим образом: «Учитывая, что у Сковрцова кончается срок наказания и он из лагеря подлежит освобождению и что, будучи на воле, снова будет проводить контрреволюционную деятельность, заключенного Сковрцова из лагеря не освобождать и немедленно приступить к следствию по его делу, предъявив ему обвинение».

7 июня в бараке, где жил владыка, был произведен обыск, при котором были обнаружены лист помянника и дубовые дощечки, из которых владыка вырезал крестики. Это были все оставшиеся у него личные вещи, за исключением данных ему в пользование лагерем. Все его имущество состояло из брюк, гимнастерки, рубахи, полотенца, телогрейки и ремня.

В тот же день владыке было предъявлено обвинение, и следовательно потребовал, чтобы он расписался под постановлением о предъявлении обвинения. Выслушав прочитанное, владыка категорически отказался его подписывать, так как считал себя невиновным. На следующий день состоялся допрос.

— Вам предъявлено обвинение в том, что вы лагерникам выказывали недовольство существующим строем, говорили, что конституция народу ничего

не принесет и ожидать от нее ничего нельзя. Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, – ответил владыка.

– Следствием установлено, что вы, находясь в Яйском отдельном лагерном пункте и работая в 8-м цеху швейной фабрики контролером, среди лагерников говорили: «При советской власти вы только и можете получить кипяток, а при Николае было все». Подтверждаете высказанную вами контрреволюционную клевету?

– Не подтверждаю. Этого я не говорил.

– Вы, обсуждая сталинскую конституцию и проводя параллель между конституцией и Библией, говорили лагерникам: «Как Библия несет счастье и радость утешения человеку, так сталинская конституция приносит зло человеку, ибо это обман». Подтверждаете эти контрреволюционные разговоры?

– Не подтверждаю. Этого я никогда не говорил. И вообще я о конституции ни с кем не разговаривал.

– При обыске у вас изъят список с именами с заголовками «о здравии» и «о упокоении». Расскажите, у кого вы его взяли и для чего.

– Этот список с именами мне передала при освобождении из лагеря Башмачкова, которая попросила меня помолиться за своих родственников. Я это и делал.

– Как много вам давали таких списков с именами, за коих вы молились, и что вы за это получали от лиц, которые давали эти списки?

– Кроме этого списка у меня других списков не было, а за этот я ничего не получил.

– У вас при обыске изъяты деревянные дубовые дощечки. Расскажите, для какой цели вы их хранили.

– По освобождении из лагеря я хотел из этих дубовых плашек делать крестики и в трудный момент мог бы дать нуждающимся в них.

– Значит, по освобождении из лагеря вы хотели нелегально распространять крестики, этим существовать и нелегально вести религиозную пропаганду?

– Существовать за счет крестиков я не хотел и распространение их в таком малом количестве за преступление не считаю, так как они могли быть предназначены для близких мне людей.

После допросов следователи устроили владыке очные ставки со лжесвидетелями. Но и здесь владыка категорически отверг приписываемые ему высказывания, которые, хотя и имели видимость правды, им не произносились: хорошо зная обстановку в лагере, епископ предпочитал не вести бесед на политические темы, но только если кто спрашивал о вере, тому отвечал.

20 сентября 1937 года Тройка УНКВД по Западно-Сибирскому краю приговорила владыку к расстрелу. Епископ Амфилохий (Скворцов) был расстрелян 1 октября 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 6». Тверь. 2002. С. 195-209